

Заозерский Н. А. Светочи православия и культуры в истории Румынской Церкви [Рец. на:] *Арсений [Стадницкий], еп. Псковский.* Исследования и монографии по истории Молдавской Церкви. СПб., 1904 // Богословский вестник 1905. Т. 2. № 5. С. 129–144 (4-я пагин.). (Начало.)

Свѣточи православія и культуры въ исторіи Румынской церкви.

(Арсеній епископъ Псковскій: Исслѣдованія и монографіи по исторіи Молдавской церкви. СПБ. 1904. Стр. 1—583. Ц. 3 р.)

Названная книга Преосвященнѣйшаго Арсенія Епископа Псковскаго, увѣнчавшая его ученою степенью Доктора Богословія, представляетъ собою учено-литературный трудъ, заслуживающій широкаго распространенія и весьма пристальнаго къ себѣ вниманія не только ученыхъ специалистовъ церковной исторіи и права, но и просвѣщенныхъ людей дѣла, особенно въ настоящее время—время броженія умовъ, охватившаго все классы нашего общества. То, что сообщаетъ книгѣ, посвященной исторіи Румынской церкви, интересъ минуты для русскаго просвѣщеннаго общества—это богатый фактическій матеріалъ для освѣщенія и рѣшенія одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ внутренней политики—объ отношеніи православія къ государственной и гражданской цивилизаціи и культурѣ.

Обширная эрудиція автора—специалиста по исторіи Румыніи—въ разсматриваемой книгѣ какъ-то непринужденно естественно гармонируетъ съ твердымъ, яснымъ, благороднымъ стилемъ епископа русской церкви, открыто возвѣщающаго правду, исторически научно-провѣренную, о значеніи православія въ дѣлѣ развитія цивилизаціи и культуры Румынскаго народа съ начала исторической жизни его и по настоящее время. Живо выступающіе при чтеніи книги симпатичные образы борцовъ православія неотразимо привлекаютъ къ себѣ, а тѣ принципы церковной жизни, за

осуществленіе которыхъ они ратовали до самопожертвованія, сообщаютъ книгѣ Пресвященнаго Арсенія непосредственный практическій интересъ. Да, мы не ошибемся, если скажемъ, что она должна быть настольною книгою русскаго іерарха и церковно-общественнаго дѣятеля.

Что особенно пріятно и неожиданно поражаетъ читателя въ этихъ типахъ православной іерархіи—такъ это удивительное сочетаніе строгаго личнаго аскетизма, просвѣщенности и безгранично широкой ихъ общественной и политической дѣятельности. Это—не только святители—пастыри церкви, но и просвѣщенные, передовые и мужественные граждане, беззаветные патріоты. Они принимаютъ дѣятельное живое участіе въ распространеніи школъ, покровительствуютъ искусствамъ, окружаютъ себя даровитыми людьми вѣчныхъ призваній. Мало этого; они являются иногда инициаторами національнаго и политическаго движенія, словомъ и дѣломъ воодушевляютъ борцовъ его, распространяютъ воззванія, говорятъ воодушевленныя рѣчи, состязаются въ учредительныхъ собраніяхъ и группируютъ вокругъ себя неизмѣримое большинство, ведутъ сношенія съ представителями иностранныхъ державъ, входятъ въ составъ депутацій по сношеніямъ съ ними. Слово христіанскаго ученія, просвѣщенія у нихъ неразрывно съ дѣломъ, съ жизнію ихъ частною и общественною. Они — насадители христіанской культуры.

Эта характерная черта румынскихъ святителей получаетъ особенный вѣсъ для русскаго читателя именно въ настоящее время, въ переживаемыя теперь минуты всеобщей тревоги и смутнаго броженія умовъ. Какой исходъ получить это тревожное настроеніе? И что оно знаменуетъ по существу своему? Означаетъ ли оно нашъ громаднѣйшій шагъ впередь—нашъ переростъ тѣхъ государственныхъ, религіозныхъ и иныхъ формъ общежитія, которыя облегаютъ наши нравственныя личности такъ же неудобно, какъ облакасть выросшаго человѣка износившійся и обветшавшій костюмъ, или же самая нравственная личность наша такъ измелчала, такъ выродилась, что требуется внутреннее обновленіе или возрожденіе, которое если не наступитъ, придется готовиться русской національности сходить съ лица земли, чтобы оставить ее въ обладаніе болѣе здоровымъ націямъ. Въ томъ и

другомъ случаѣ—настоящее время есть время дѣланія, а не бездѣйствія.

Ну и что же? Дѣйствуемъ ли мы? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ получается странный отвѣтъ: дѣйствуютъ и довольно энергично весьма немногіе сравнительно съ несоизмѣримымъ, миллионнымъ большинствомъ бездѣйствующихъ, ожидающихъ, созерцающихъ. Къ величайшему ужасу сюда должно отнести самый цвѣтъ нашей націи, ядро будущаго—юношей, даже дѣтей и ихъ учителей и воспитателей: они забастовали и бездействуютъ.

Едва ли исторія какой-либо культурной націи укажемъ на страницахъ своихъ примѣръ такой повальной ужасной забастовки!...

Дѣло внутренняго нравственнаго обновленія націи, какъ и отдѣльной личности есть дѣло Божіе, есть дѣло Того, въ чьихъ рукахъ недовѣдомья судьбы единицъ и цѣлыхъ народовъ. И если наступилъ чередъ вымиранія для насъ, то мы съ покорностью должны склониться предъ вѣлвіемъ Промысла. Но кто можетъ провидѣть пути Его и средства, которыми Онъ ведетъ, и цѣль, къ какой ведетъ людей и народы?!

Мы должны оставить совершенно въ сторонѣ этотъ вопросъ: *нѣтъ наше разумѣти времена и лѣта...*

Но тѣмъ съ большимъ вниманіемъ мы должны взяться за первый вопросъ, всесторонне и безпристрастно обсудить его и попытаться немедленно дѣйствовать соотвѣтственно такому или иному своему положенію.

Предположимъ на минуту, что причина настоящаго смятенія или броженія умовъ кроется въ нашемъ нравственномъ переростѣ, что въ насъ бродитъ новое вино, для котораго становятся совершенно не годными старые мѣхи. Что же должно послѣдовать изъ этого? Очевидно, только одно: съ радостью, энтузіазмомъ и энергіею мы должны приняться за спасительный трудъ устроенія нашихъ новыхъ мѣховъ. И начать эту работу долженъ не кто иной, какъ наша церковь, въ частности представители ея—наша іерархія. Вѣдь не фикція же, а дѣйствительный фактъ, можно сказать историческій законъ, что каждая болѣе или менѣе крупная стадія нашего прогрессивнаго шествованія начиналась съ благословенія церкви,—митрополитовъ, архіепископовъ, пат-

ріарховъ и всего освященнаго собора. Раскройте документы, наши политическія хартіи или государственныя конституціи періодовъ Кіевского, Суздальскаго, Московскаго, нашихъ вольныхъ городовъ Новгорода и Пскова, даже послѣдняго періода Петербургскаго—не по благословенію ли нашихъ владыкъ и при дѣятельномъ ихъ участіи строилась русская земля, заготовлялись каждый разъ новые мѣхи на мѣсто старыхъ?!

Да, это такъ!

Но съ чего же начать?—Съ упрядоченія рабочаго вопроса, вопроса академическаго и проникающаго ихъ болѣе капитальнаго—объ усовершеніи государственнаго устройства и лучшаго правоваго гражданскаго порядка? Нѣтъ и нѣтъ! Зачѣмъ нашимъ іерархамъ вторгаться сюда? Здѣсь есть свои дѣятели, къ тому подготовленные и воспитаніемъ, и наслѣдственностью, и практическою опытностію.

Для іерархіи настоитъ много дѣла своего, очень важнаго, неотложнаго, совершивъ которое, она, быть можетъ, окажетъ такую услугу, сослужитъ такую службу государству, о какой ни оно, ни сама она и не подозрѣваютъ.

Какіе же это дѣла, какіе вопросы?

О, ихъ очень много: всѣхъ и не перечестъ. Начнемъ съ главнаго, который долженъ давно ждать своей очереди, и безъ котораго нельзя, собственно говоря, и начинать никакаго дѣла.

До того важенъ этотъ вопросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ до того онъ простъ, что многимъ читателямъ быть можетъ покажется страннымъ то обстоятельство, почему это имъ доселѣ не приходило въ голову поставить его.

Вопросъ таковъ: сознаемъ ли мы, сыны православной господствующей церкви и сознаетъ ли ясно ея іерархія—гдѣ и какъ очерчиваются предѣлы ея собственной сферы, въ которыхъ она можетъ вращаться свободно и законно, и гдѣ предѣлы, за которые она не должна выходить, чтобы не очутиться взявшеюся не за свое, а за чужое дѣло? Да, у насъ нѣтъ двухъ ясно различаемыхъ сферъ—государства и церкви—какъ двухъ общественныхъ единицъ и правопорядковъ *sui juris*; у насъ—по выраженію одного официальнаго лица—объ сферы слились *въ одно*. И вотъ это странное явленіе служитъ источникомъ ужасной путаницы въ нашей

жизни и вмѣсто благотворнаго для жизни союза церкви и государства, является взаимный тормозъ жизни того и другого.

Церковь у насъ весьма часто терпитъ великія невзгоды изъ-за того, что въ важнѣйшія дѣла ея вмѣшиваются властные лица государства и производятъ въ ней весьма не желательныя пертурбаціи. Замѣщеніе вакантныхъ мѣстъ епископскихъ, священническихъ, діаконскихъ, архимандритскихъ, увольненіе, отставка лицъ негодныхъ, или полезныхъ и почтенныхъ у насъ происходитъ иногда по произволу властныхъ людей. И это дѣлается такъ просто, къ этому всѣ такъ привыкли, что это никого особенно и не занимаетъ, кромѣ лицъ непосредственно заинтересованныхъ. „Нынче все и вездѣ дѣлается по протекціи!“—Такова аксіома нашихъ современныхъ нравовъ. Чтобы оцѣнить вѣрно несообразность такого безпорядка мы попросимъ читателя вообразить себѣ... отлично устроенный и настроенный музыкальный инструментъ. Въ рукахъ своего владѣльца—любителя онъ издаетъ стройные аккорды, чудныя мелодіи. Но вотъ вторгается непрощенный господинъ и по своей прихоти бьетъ по клавишамъ какъ попало. Получается звонъ во всѣ, но для музыкальнаго слуха онъ причиняетъ невыносимыя страданія...

У насъ вошло въ привычку устройство такихъ самоуправныхъ дисгармоній въ церковной жизни. А между тѣмъ съ какою заботливостію каноны и уставы церкви оберегаютъ право мѣстныхъ общинъ отъ такого рода вторженій въ жизнь ихъ лицъ стороннихъ.... Наша церковная іерархія должна энергически ратовать противъ такихъ нестроеній. Въ разсматриваемой книгѣ Преосвященнаго Арсенія русскій читатель найдетъ назидательныя и достоподрожательныя примѣры такой ревности.....

Но въ особенности много и тяжело страдали и *страдаетъ господствующая de jure* церковь наша отъ не уваженія къ ея кореннымъ организационнымъ началамъ, опредѣляющимъ ея духовнонравственную природу какъ созданнаго Христомъ общественнаго Установленія на благо человѣческому роду.

По кореннымъ принципамъ своей организациіи церковь есть воспитательница *любви къ Богу и ближнимъ* во взаимныхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Духомъ этой любви должно

быть проникнуты всѣ ея учрежденія; къ этой цѣли они должны направлять свою дѣятельность. Между тѣмъ обращаясь къ дѣйствительности прошлой и настоящей мы видимъ, что въ рядѣ церковныхъ учреждений и въ ихъ устройствѣ пересаживались и пересаживаются — *при не различеніи Божія отъ Кесарева*—чисто государственныя учрежденія съ характеромъ грубаго физическаго принужденія, жестокихъ истязаній, или пытокъ, и чисто уголовныхъ каръ (пожизненнаго заточенія, истязаній плетью и голодомъ и т. п.). Церковныя судилища — эти духовныя лечебницы снабжались по временамъ колодническими подвалами и палачами, монастыри—ужасными тюрьмами и ямами; святители превращались въ неограниченныхъ владыкъ земныхъ и „духовныхъ командировъ“, въ судахъ церковныхъ давался рѣшающій голосъ лжи и клятвопреступленію (свидѣтели—*очевидцы факта* прелюбодѣянія). Мы, вообще, много самоуправствовали въ православной церкви, реформируя ее по своему, вмѣсто того чтобы тщательно блюсти ея исконныя прекрасныя уставы, изучать и развивать положенныя въ основы ихъ принципы къ требованіямъ и запросамъ жизни. Да, мы никогда не относились съ довольнымъ уваженіемъ къ основнымъ источникамъ церковнаго устройства и дисциплины, заключающимся въ словѣ Божіемъ и церковныхъ канонахъ. О послѣднихъ нерѣдкость напр. слышать, что давно пора *уже совсѣмъ ихъ бросить* и реформировать церковь по законамъ и учрежденіямъ выработаннымъ европейскою цивилизаціею для разныхъ формъ человѣческаго общежитія. Но этотъ путь, такъ сказать методъ самоуправления всегда приводилъ и неизбѣжно будетъ приводить къ исчезновенію церкви изъ среды политическихъ и общественныхъ союзовъ, изъ среды человѣческаго рода. Во избѣжаніе этого зла, въ предохраненіе отъ этого страшнаго искушенія мы должны твердо помнить, что церковь не есть наша собственность, а небесная пристань на землѣ, устроенная Христомъ на благо всего человѣческаго рода и ввѣренная намъ — членамъ ея для охраненія не только страждущимъ и обремененнымъ современникамъ какимъ, но и въ будущіе роды и роды. Мы не властны въ ней самоуправствовать, а обязаны блюсти богоданную ея чистоту, обязаны тщательно хранить тѣ прекрасныя дары творчества, которые внесли въ нее ея истинныя созидатели и назидатели.

тели, ея апостолы, ея пророки, ея исповѣдники и мученики, ея пѣснопѣвцы, ея учителя, ея отцы.

Такъ тщательно охраняя природу церкви, различая сферу ея какъ общежитія и нравственнаго порядка, отъ сферы и правопорядка государственнаго и гражданскаго, наша іерархія окажетъ не оцѣненную услугу и государству въ его стремленіямъ къ совершенствованію.

Во многихъ отношеніяхъ церковь, сливаясь съ государствомъ, стѣсняетъ его.

Въ составѣ нашего государства много подданныхъ разныхъ вѣроисповѣданій, занимающихъ и всегда имѣющихъ возможность занимать важное государственное положеніе: при сліяніи во едино высшаго управленія церковнаго и государственнаго эти лица всегда должны оказываться въ ложномъ положеніи. А съ другой стороны и сами православныя высокопоставленныя лица должны сознать себя весьма не удобно, приводя и отстаивая принципъ свободы совѣсти и вѣротерпимости—обязательный для культурнаго государства. Вѣдь быть православнымъ и въ тоже время защищать въ качествѣ властнаго государственнаго чиновника интересы католичества, протестантства, еврейства и т. д. весьма неудобно. Пусть представляютъ и защищаютъ эти интересы предъ государствомъ сами представители каждаго вѣроисповѣданія. При такомъ положеніи чисто государственное учрежденіе, состоящее хотя бы изъ однихъ исповѣдниковъ православія, хотя бы изъ разноисповѣдныхъ лицъ, но въ качествѣ только государственныхъ а не церковныхъ чиновниковъ, удобно можетъ стать въ положеніе 3-го лица и рассмотреть предлагаемое вѣроисповѣдное дѣло объективно и безпристрастно.

Да, управленіе каждымъ вѣроисповѣданіемъ и въ особенности господствующимъ должно быть вполнѣ предоставлено ему самому. Но это, конечно, ни мало не препятствуетъ Государю покровительствовать каждому изъ нихъ по мѣрѣ Его благорасположенія. При такомъ положеніи и сношенія православной русской церкви съ представителями православныхъ церквей Турціи, славянскихъ и австрійско-сербскихъ не представляли бы такихъ великихъ политическихъ затрудненій, какія они всегда доставляли и доставляютъ нашему правительству: эти сношенія сдѣлались бы чисто церковными, лишенными всякаго политическаго значенія и

не давали бы повода, по крайней мѣрѣ законнаго основанія подозрѣвать въ нихъ какіе либо политическія стремленія.

Съ освобожденіемъ православной церкви отъ постояннаго давленія на сферу ея управленія властныхъ лицъ государства, каковое неизбѣжно при неясномъ различеніи сферъ церковной и государственной и съ установленіемъ живыхъ и постоянныхъ сношеній между русскою и прочими православными церквами православіе возродится въ своей силѣ и въ своемъ великомъ нравственномъ влияніи на наше общество. Свобода дѣйствования есть необходимое условіе процвѣтанія православія.

А это процвѣтаніе крайне необходимо въ нашъ вѣкъ. Весь цивилизованный міръ настоятельно требуетъ нравственнаго освѣженія и обновленія: уныніе, пессимизмъ, утрата смысла жизни, пресыщеніе, невѣріе въ загробную жизнь, отсутствие идеализма и высокаго вдохновенія въ поэзіи и другихъ искусствахъ—вотъ спутники громадныхъ успѣховъ естествознанія и матеріалистическаго міросозерцанія. Но это спутники высшихъ ступеней цивилизаціи: этимъ настроеніемъ одержимы корифеи, образованнѣйшіе и лучшіе представители цивилизаціи; средніе и низшіе слои общества пользуются заимствованнымъ свѣтомъ знанія и культуры для грубо эгоистическаго и болѣе или менѣе утонченнаго прожиганія жизни. Необузданный развратъ, комфортабельное обжорство и пьянство, хищничество труда, эксплуатація сильными слабыхъ, безгранично эгоистическія стремленія—вотъ характеристическія черты настроенія этихъ ступеней, этихъ слоевъ цивилизованнаго общества. Религія все болѣе и болѣе утрачиваетъ довѣріе и уваженіе къ себѣ со стороны представителей всѣхъ этихъ слоевъ культуры. Если во всѣхъ ихъ и остается еще что либо питающее идеалистическія и альтруистическія стремленія, такъ это вѣра въ силу науки, знанія, въ силу ума человѣческаго, который въ отдаленномъ будущемъ рядомъ научныхъ открытій создастъ новую породу людей, сверхъ—человѣковъ, которымъ будутъ чужды скорби жизни, неизбѣжныя въ переживаемую стадію культуры.

Какъ и прежде, такъ и въ настоящее время жизнерадостность и бодрость можетъ вдохнуть только религія христіанская. И вотъ забота о процвѣтаніи ея, каковое возможно только при предоставленіи церкви свободнаго отъ государ-

ственнойнаго принужденія и стѣсненія дѣйствованія присущими ей средствами, должна воззвать къ энергичной дѣятельности нашу іерархію и наше пастырство. Эта дѣятельность должна быть направлена наиболѣе всего въ среду интеллигенціи. Наша господствующая церковь должна не враждовать съ интеллигенціею, а пытаться всемірно заслужить ея довѣріе къ себѣ; а послѣднее можетъ быть достигнуто улучшеніемъ церковныхъ учреждений, а еще болѣе проведеніемъ въ личной жизни, монашеской и семейной, началъ христіанской нравственности и догматико-идеалистическаго міросозерцанія. Наша іерархія и наше пастырство склонны дѣйствовать только истовымъ богослуженіемъ и обильнымъ словоизліаніемъ въ проповѣдяхъ и собесѣдованіяхъ. Но этого недостаточно. Нужно просвѣщать дѣлами, творческимъ воздѣйствіемъ на формы культурной жизни современнаго человѣчества. Церковь должна стяжать уваженіе и любовь къ себѣ въ средѣ культурныхъ гражданъ, культурнаго государства.

Таковы соображенія; возникшія въ нашемъ сознаніи подъ вліяніемъ чтенія книги преосвященнаго Арсенія. Переживая грозныя событія и явленія современной общественной жизни своего отечества, мы нашли немалое нравственное подкрѣпленіе въ трудѣ высокочтимаго преосвященнаго автора, живо созерцая минувшія судьбы румынскаго народа и патріотическую дѣятельность свѣтилъ его. Для примѣра сообщаемъ сокращенныя характеристики нѣкоторыхъ архипастырей Румынской Церкви, показавшихся намъ наиболѣе симпатичными.

1. Доснѣей Митрополитъ Молдавскій и Сочавскій (1671—73; и 1675—1691)

Онъ родился въ Молдавіи, въ Яссахъ между 1623—30 годами; отецъ его, Нектарій Баруль, или Бориловичъ былъ чиновникомъ или купцомъ и подъ старость поступилъ въ монастырь. Въ молодости Доснѣей получилъ блестящее образованіе сначала у частныхъ учителей, а затѣмъ въ школахъ при монастырѣ Трехъ святителей, основанной въ Яссахъ Господаремъ Василиемъ Лупу при содѣйствіи Кіевскаго митрополита Петра Могилы. Здѣсь онъ вполне усвоилъ еврейскій, греческій, латинскій, церковно-славянскій, румынскій и польскій языки. 20-ти лѣтъ онъ поступилъ въ монастырь

Побрату, гдѣ былъ постриженъ въ монашество и вскорѣ возведенъ въ санъ іеродіакона и іеромонаха. Здѣсь Досиѣей занимался книжными трудами и интересовался древними господарскими хрисовулами, писанными на славянскомъ языкѣ. 30-ти лѣтъ онъ былъ избранъ на Хушскую епархію, которою управлялъ около двухъ лѣтъ, за тѣмъ былъ переведенъ на высшую Романскую епархію, которую занималъ около 12-ти лѣтъ, послѣ чего назначенъ былъ митрополитомъ Молдавскимъ. Отъ 1673 и до 1675 г. онъ находился въ Польшѣ, куда убѣжалъ послѣ битвы Турокъ съ Яномъ Собѣскимъ при Хотинѣ. Во второй разъ въ 1686 Янъ Собѣскій, раззоривъ Молдавію, плѣнилъ митрополита Досиѣея (а по болѣе вѣрнымъ сказаніямъ Досиѣей ушелъ добровольно) и унесъ мощи Св. Іоанна Сочавскаго въ Польшу, ¹⁾ откуда онъ возвращены только въ концѣ XVIII в. при австрійскомъ Императорѣ Іосифѣ II. Но недолго онъ жилъ въ Польшѣ, такъ какъ вскорѣ отправился въ Россію. Причины этого, какъ полагаютъ, заключались въ преслѣдованіяхъ, которымъ православные подвергались со стороны католиковъ, преимущественно іезуитовъ. Въ Россію онъ прибылъ по рекомендаціи Николая Милеску Спафарія, румына по происхожденію, очень ученаго и пользовавшагося большимъ вліяніемъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ I. Петръ Великій уважалъ Досиѣея за *его идеи* объ освобожденіи румынъ отъ турокъ. При покореніи Азова въ 1702 г. онъ былъ назначенъ митрополитомъ Азовскимъ. Время смерти его въ Москвѣ относятъ къ 1711 г., куда онъ прибылъ изъ Азова предъ Прутскимъ походомъ.

„Митрополитъ Досиѣей принадлежитъ къ числу знаменитѣйшихъ архипастырей XVIII в. главнымъ образомъ *своею ученостію*. Онъ былъ ревностнымъ *проводникомъ новозведеннаго* господаря Василія Лупула, съ именемъ котораго связано представленіе объ эпохѣ румынскаго національнаго самосознанія и стремленія замѣнить употреблявшійся дотолѣ въ официальныхъ сношеніяхъ и церкви славянскій языкъ ру-

¹⁾ Во время этого плѣненія Пресвященный Досиѣей совершилъ прекрасный трудъ—славянскій переводъ древняго памятника христіанской письменности *Απαρχαὶ τῶν ἁγίων Ἀποστόλων*. Въ библиотекѣ Кіевософійскаго собора есть прекрасная рукопись этого перевода, каковую мы въ непродолжительномъ времени постараемся издать. Авторъ.

мынскимъ, не допуская вмѣстѣ съ тѣмъ и начавшагося усиливаться вліянія греческаго элемента“. ¹⁾

2, Митрополитъ Веніаминъ Костаки.

Въ предисловіи къ одной изъ своихъ книгъ этотъ іерархъ оставилъ слѣдующую краткую автобіографію:

„Смиранный переводчикъ этой книги появился на свѣтъ въ декабрѣ 1768 года отъ благочестивыхъ родителей Григорія Костаки и Маріи Конта; ²⁾ воспріемницею при крещеніи, происходившемъ 1 января была Елена Катаржи; въ 1784 г. былъ постриженъ въ монашество въ Хушской епископіи и рукоположенный во діакона епископомъ Хушскимъ Іаковомъ; въ 1788 году рукоположенъ въ св. Молдавской митрополіи во іеромонаха; въ мартѣ 1789 года былъ назначенъ игуменомъ монастыря св. Спиридона въ Яссахъ; 27-го іюня 1792 хиротонисанъ своимъ старцемъ, Преосвящ. Іаковомъ, въ епископы Хушкаго въ качествѣ его преемника; въ іюнѣ 1796 г. былъ переведенъ на епископію въ Романъ; 15 марта 1863 г. преемствовалъ митрополиту Іакову по его смерти въ занятіи митрополичей Молдавской каѳедры“.

Склонный по природѣ къ созерцательной и уединенной жизни, онъ стремился къ монастырскому уединенію, особенно въ Нямецкій монастырь, гдѣ въ это время во главѣ плеяды образованныхъ и патріотовъ монаховъ стоялъ знаменитый старецъ Паисій Величковскій.

Найдя себѣ товарища, мальчикъ Василій—таково было мірское имя Веніамина,—тайкомъ ушелъ изъ дому и отправился пѣшкомъ въ монастырь, имѣя въ виду поступить въ число братіи, а за тѣмъ постричься. Спустя нѣсколько дней совмѣстнаго путешествія, они рѣшили отдохнуть и остановились на ночлегъ у одного „стража полей“. Проснувшись на другой день, мальчикъ, полный радости, что скоро достигнетъ своей цѣли, увидѣлъ, что его компаньонъ сбѣжалъ, при чемъ обокралъ его, взявъ вещи и маленькую сумму денегъ въ нѣсколько копѣекъ т. е. все его достояніе. На

¹⁾ Арсеній Епископъ Псковскій: Монографіи и изслѣдованія, стр 52—53.

²⁾ Въ тоже время это были аристократы, принадлежавшіе къ древней боярской фамиліи Болдуръ. Монографіи и изслѣдованія, стр. 348.

молодого Василя это произвело удручающее впечатлѣніе, и онъ залился горькими слезами. Утѣшителемъ явился крестьянинъ. Онъ увидѣлъ въ этомъ волю Божию, а потому предложилъ мальчику остаться у него, такъ какъ ему теперь невозможно идти въ монастырь въ такомъ видѣ. Но это предложеніе было не безкорыстно, потому что крестьянинъ имѣлъ въ виду оставить такого здороваго мальчика у себя въ работникахъ. Василій остался. Крестьянинъ одѣлъ его въ простую грубую одежду, обулъ въ лапти и такимъ образомъ,—говоритъ г. Византи—„было положено основаніе тому апостольскому подвигу служенія, которому онъ потомъ, какъ архіерей, слѣдовалъ въ теченіе всей своей жизни“. Здѣсь онъ много терпѣлъ какъ отъ тяжелыхъ хозяйственныхъ работъ, такъ и отъ постоянныхъ ссоръ, происходившихъ между супругами, на немъ они вымѣщались, онъ былъ, такъ сказать козломъ отпущенія. Въ темныя осеннія ночи его посылали стеречь поля, а днемъ онъ исполнялъ работы по домашнему хозяйству, изъ которыхъ самую тяжелую для него была мочка конопли въ водѣ при самой невыносимой температурѣ.

Съ наступленіемъ зимы, недобрые и грубые хозяева, не имѣя теперь особенной нужды въ постороннемъ работникѣ и во избѣжаніе тратъ на его пищу и одежду, выгнали его отъ себя, оборваннаго и голоднаго. Умѣя читать и зная наизусть нѣсколько церковныхъ пѣснопѣній, мальчикъ отправился къ приходскому священнику, который съ радостію принялъ его, снабдилъ необходимыми вещами и сдѣлалъ дьячкомъ въ своей церкви.

Родители отыскали бѣглеца и на первыхъ порахъ слышать не хотѣли о его монашествѣ. Только послѣ большихъ усилій рѣшились исполнить желаніе сына и отпустили его въ Хушскую епископію къ извѣстному своею образованностью, благочестіемъ и добротой Епископу Іакову Стамати—питомцу Нямецкаго монастыря.

Іаковъ былъ выдающимся святителемъ Молдавіи: „образованный, горячій патріотъ, предусмотрительный политикъ, онъ, пользуясь своимъ положеніемъ и вліяніемъ, рѣшилъ употребить *всѣ средства для поднятія бѣдствующей родины*. Однимъ изъ такихъ средствъ онъ справедливо считалъ *просвѣщеніе народа*, для чего учредилъ при своей кафедрѣ

школу, въ которую имѣли доступъ и клирики, и міряне. Самымъ усерднымъ ученикомъ этой школы былъ молодой Василій, который своими успѣхами и поведеніемъ обратилъ на себя вниманіе начальствующихъ и радовалъ святителя Іакова, все болѣе и болѣе приближавшаго къ себѣ молодого питомца въ цѣляхъ непосредственнаго вліянія на него. Съ назначеніемъ Василія бібліотекаремъ школы, любознательность его нашла полное удовлетвореніе: со всѣмъ рвеніемъ своей юной души онъ бросился на богатые книжныя сокровища по разнымъ научнымъ отраслямъ въ особенности—*по богословію, изученію Слова Божія и св. отеческихъ твореній*. Ближайшимъ руководителемъ и воспитателемъ его *былъ самъ Преосвящ. Іаковъ*, оказывавшій особенное вниманіе своему даровитому ученику, предвидя въ немъ *будущаго борца за интересы религіи и національности*.... Прослуживъ здѣсь три года, Веніаминъ съ согласія своего патрона отправился въ Молдавскую митрополию, гдѣ былъ архидіакономъ и старшимъ епископомъ, а за тѣмъ въ 1788 году *на двадцатомъ году* былъ посвященъ во іеромонаха¹⁾.

Сжатую характеристику его дѣятельности Проф. Ербичяну выражаетъ такими словами: „Въ полномъ разцвѣтѣ физическихъ и духовныхъ силъ митрополитъ Веніаминъ беретъ въ руки архипастырскій жезлъ, молитвенно устремляя взоръ свой къ небу съ вѣрою и упованіемъ на помощь Божию въ тяжкихъ обстоятельствахъ. Упованіе его не посрамило: втеченіе 40 лѣтъ, съ большою мудростію, терпѣніемъ и любовію ведетъ онъ свое стадо по спасительному тернистому пути, нося на себѣ всѣ скорби и нужды своихъ собратьевъ. Управляя кораблемъ Христовымъ, онъ, какъ искусный кормчій проводилъ его между Сциллою и Харибдою, среди страшныхъ фортовъ, непредвидѣнныхъ препятствій, съ вѣрою въ Бога направляя его въ спасительную пристань. Какъ доблестный воинъ Христовъ, онъ твердо стоялъ на своемъ посту, отражая силою евангельской любви и мечемъ слова Божія вражду противъ церкви и родины. Среди смутныхъ временъ, онъ день и ночь изыскивалъ *надлежащія средства*, чтобы *пробудить* свой народъ *отъ сна и дремоты*: онъ призывалъ его къ національному возрожденію чрезъ церковь, чтобы видѣть

1) Моногр. и изслѣд., стр. 351—352.

его наравнѣ съ цивилизованными народами. Доблестный христіанскій духъ его горѣлъ желаніемъ счастья и процвѣтанія своему несчастному отечеству. Поэтому, съ самаго начала своей архипастырской дѣятельности онъ смѣло подставлялъ грудь свою чужому или туземцу, борясь за развитіе своего отечества. Когда силы его оказывались недостаточными противодѣйствовать злу, то плачь и скорбь смягчали самыя закаленные сердца и побуждали самыхъ страшныхъ враговъ его. Во все время своего архипастырства онъ былъ *центромъ, вокругъ котораго группировались все національные дѣятели того времени: бояре, ученые, артисты, профессора и самый бѣдный простой народъ*. Онъ былъ солнцемъ согрѣвающимъ, тѣнистымъ древомъ, подъ которымъ находили себѣ убѣжище путники, сладкимъ плодомъ, отъ котораго вкушали; онъ—радость, утѣшеніе и надежда *всѣхъ патріотовъ*. Сила его любящей души влекла къ нему даже его враговъ. Подобно магниту, онъ всѣхъ привлекалъ къ себѣ сладкимъ гласомъ, сердечнымъ чувствомъ любви и расположенія. Онъ былъ пастырь добрый, полагавшій душу свою за овцы своя, и они знали гласъ его; онъ не былъ наемникомъ, гласа котораго не знаютъ овцы и бѣгаютъ. Болѣе *великаго митрополита въ евангельскомъ духѣ не имѣлъ* румынскій народъ; не многихъ подобныхъ митрополиту Веніамину патріотовъ, съ такою любовью относившихся къ своему народу и наслѣдію предковъ имѣла наша страна; давно *не имѣла вся православная восточная церковь* такого ревностнаго защитника церкви и ея божественныхъ установленій. Для него *церковь и отечество* составляли одно слово, одно понятіе; произносилъ одно слово, онъ въ тоже время разумѣлъ и другое¹⁾.

Характерно отношеніе этого святителя къ средствамъ духовнаго возрожденія и развитія національнаго сознанія Румынъ. Оно началось подъ вліяніемъ трансильванскихъ румынъ, которые были *вызваны митрополитомъ Веніаминомъ* въ качествѣ преподавателей въ созданныя имъ школы и находили въ немъ мощную поддержку. Изъ нихъ особенно рѣшительное вліяніе въ этомъ отношеніи оказали Георгій Лазарь и Георгій Асаки. Послѣдній—сынъ священника, обучавшійся на средства Веніамина во Львовѣ, Вѣнѣ и Римѣ,

1) Монограф. и изслѣдов., стр. 355—356.

основалъ школу въ Яссахъ, въ которой преподаваніе шло въ чисто національномъ румынскомъ духѣ. Подобную школу открылъ въ Букурештѣ на мѣстѣ развалинъ монастыря Св. Саввы Лазарь, при чемъ вначалѣ онъ преподавалъ только философію и математику. Новизна преподаванія привлекла къ нему множество слушателей, почему онъ вскорѣ расширилъ кругъ преподаваемыхъ имъ предметовъ чтеніями по національной исторіи. Въ этихъ чтеніяхъ онъ съ увлеченіемъ развивалъ своимъ слушателямъ историческія воспоминанія о *древнихъ господарствахъ*, рисуя предъ ними темныя и свѣтлыя стороны политической жизни ихъ предковъ. Эти чтенія оказали сильное вліяніе на возбужденіе національнаго чувства румынъ и породили многихъ „націоналистовъ“. Нѣкоторые изъ нихъ не довольствуясь полученнымъ ими школьнымъ образованіемъ, отправлялись за его завершеніемъ на Западъ. Въ эту прославившуюся школу Лазаря митрополитъ Веніаминъ посылалъ многихъ молодыхъ людей изъ Молдавіи, подготавливая такимъ образомъ *духовное единеніе княжествъ* на почвѣ общаго національнаго возрожденія и соединеннаго съ нимъ самосознанія. Съ тою же цѣлью митрополитъ Веніаминъ *содействовалъ* Асаки въ созданіи *національнаго театра*, гдѣ пьесы, правда сначала далеко не важныя, игрались на румынскомъ языкѣ. Помѣщеніемъ для театра былъ частный домъ. Самъ митрополитъ иногда *удостоивалъ* его своимъ посѣщеніемъ, давая этимъ какъ бы санкцію театру, какъ *школы національнаго самосознанія*. Вообще митрополитъ Веніаминъ былъ центромъ, вокругъ котораго группировались дѣятели національнаго возрожденія“ ¹⁾.

Митрополитъ Веніаминъ былъ энергичный борецъ за права монастырей противъ секуляризаціонныхъ стремленій правительства. Эта борьба и привела его къ рѣшимости подать прошеніе объ оставкѣ и удаленію отъ дѣлъ правленія. Эта „вѣсть объ отставкѣ митрополита и быстротою молніи распространилась по всей Румыніи и какъ громомъ поразила всѣхъ истинныхъ патріотовъ“. „Прощаніе митрополита съ народомъ представляло одну изъ самыхъ прискорбныхъ и вмѣстѣ угрожающихъ сценъ. Дворъ митрополіи наполнялся тысячами людей, которые плакали горькими слезами какъ будто о са-

¹⁾ Моногр. и изслѣдов., стр. 374—375.

момъ дорогомъ покойникѣ. Въ открытыя все время двери входилъ всякій, старецъ обнималъ его и со слезами просилъ прощенія въ вольныхъ и невольныхъ грѣхахъ. Въ заключеніе сказалъ: „простите меня, добрые люди, мои чада, простите меня смиреннаго и убогаго монаха Веніамина, который ничего теперь не беретъ съ собою отъ той славы, какую имѣлъ, кромѣ грѣховъ, содѣянныхъ имъ въ этомъ мірѣ“.

Мѣстомъ своего вынужденнаго покоя митрополитъ Веніаминъ избралъ монастырь Слатину, находящійся у подошвы Карпатскихъ горъ, гдѣ „принявъ великую схиму, предалъ въ 1846 г. свою праведную душу Богу“¹⁾.

Н. Заозерскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Моногр. и Изслѣд. стр. 395.